

СОВЕТСКИЙ ОПЫТ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ УГЛЕДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ В КОНЦЕ 1950-Х – 1970-Е ГГ. НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ПОДМОСКОВНОГО УГОЛЬНОГО БАССЕЙНА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №15-31-01226

С. А. Баканов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В период конца 1950-х – 1970-е гг. советская экономика столкнулась с новыми для себя проблемами: достижением пределов роста на ряде крупных предприятий такой стратегически важной отрасли, как угольная промышленность, а также постепенным вытеснением угля из топливного баланса страны другими видами топлива. Все это потребовало осуществления политики реконструкции отрасли, затронувшей все старопромышленные районы угледобычи. Наиболее серьезное положение сложилось в Подмосковном угольном бассейне, где в результате закрытия шахт без работы могло остаться около 40 тысяч человек. В реализации политики реструктуризации, проводившейся на территории Подмосковного угольного бассейна, можно выделить два этапа: первый – конец 1950-х – середина 1960-х гг., когда на месте закрывающихся шахт строились замещающие предприятия других отраслей; второй – середина 1960-х – 1970-е гг., когда от предшествующей практики отказались в пользу идеи искусственного продления сроков эксплуатации действующих шахт и нового шахтного строительства, компенсирующего выбывающие добычные единицы. Мероприятия первого этапа политики реструктуризации оказались недостаточно эффективными, так как многие шахтеры оказались неготовыми к смене профессии из-за существенной разницы в характере труда в угольной промышленности и в тех отраслях, которые использовались для замещения выбывающих шахт, и, что еще важнее, в размере оплаты труда. Мероприятия, запланированные на втором этапе, так до конца и не были реализованы из-за открывшихся в ходе их подготовки проблем с экологической безопасностью столичного региона. В итоге предприятия Подмосковного угольного бассейна вступили в стадию упадка и были полностью ликвидированы в ходе реструктуризации, проходившей уже в рыночных условиях 1990–2000-х гг.

Ключевые слова: *история угольной промышленности, шахтеры, проблемы трудоустройства, Подмосковный угольный бассейн, реструктуризация отрасли, советская экономика в 1950–1970-е гг.*

На рубеже 1950–1960-х гг. произошло существенное изменение мирового энергетического баланса в пользу альтернативных углю источников энергии: нефти, природного газа, гидроэнергетики, атомного топлива и т. п., – вызванное структурными сдвигами в мировой экономике. Если в 1950 г. доля угля в мировом балансе еще составляла 58 %, то к 1965 г. она снизилась до 39,8 %¹. Советский Союз не остался в стороне от этих общемировых тенденций. На XXI съезде КПСС в качестве одной из важнейших задач семилетки, нашедшей отражение в «Контрольных цифрах по народному хозяйству СССР 1959–1965 гг.», было поставлено: «изменение структуры топливного баланса путем преимущественного развития добычи и производства наиболее экономичных видов топлива – нефти и газа»².

План семилетки предполагал рост добычи угля в СССР с 495 млн. т. до 612 млн. т. при сокращении удельного веса угля в энергобалансе страны с 59,9 % до 43 % к 1965 г. Эта политика получила название «газовой паузы», а ее реализация привела к тому, что уже к 1962 г. уголь утратил свою главенствующую роль в топливном балансе СССР (его доля составила менее 50 %), а в 1963 г. он уступил суммарным долям нефти и газа.

Определенная легкость, с которой правительство пошло на вытеснение твердого минерального топлива из экономики страны, объясняется нарастающими проблемами с рентабельностью, наблюдавшимися в угледобывающей промышленности. К 1958 г. 78 % всех угледобывающих предприятий СССР были планово-убыточными, причем у двух третей из них убыточность превышала 30 %³. Рентабельность угледо-

¹ Народное хозяйство СССР в 1975 г. – М., 1976. – С. 146.

² XXI съезд КПСС: Стенографический отчет. – М., 1961. – Т. 2. – С. 473.

³ Перспективы развития угольной промышленности СССР / под общ. ред. Б. Ф. Братченко. – М., 1960. – С. 415.

бычи напрямую зависела от ее себестоимости, в которой основные издержки составляли расходы на оплату шахтерского труда. Поэтому любое повышение благосостояния шахтеров автоматически снижало рентабельность производства. Вместе с тем курс на отказ от использования системы принудительного труда, принятый руководством страны в середине 1950-х гг. требовал создания комплекса материальных и нематериальных стимулов, с помощью которых отрасль могла бы сохранить свои трудовые коллективы. Но повышение оплаты труда шахтеров автоматически повышало издержки производства, вело к росту себестоимости угля и дальнейшему снижению рентабельности отрасли в целом. Поэтому переход на более экономичные виды топлива считался вполне оправданным.

Поскольку в результате хозяйственной реформы 1957 г. Министерство угольной промышленности было ликвидировано, интересы отрасли перед угрозой новых вызовов, связанных с «газовой паузой», оказалось некому отстаивать. Отдельные угледобывающие комбинаты и тресты, оказавшиеся в подчинении у территориальных Советов народного хозяйства, имели слишком ограниченный ресурс влияния на выработку государственной политики в энергетической сфере. Поэтому при принятии стратегических решений их мнение учитывалось редко. В наиболее тяжелой ситуации оказались предприятия тех угольных бассейнов, развитие которых считалось правительством неприоритетным в силу истощения запасов или слишком высокой себестоимости добычи. Особое место среди них занимал Подмосковский угольный бассейн – один из старейших бассейнов страны, где промышленная добыча угля велась к этому моменту уже более ста лет и чья ресурсная база оказалась уже сильно истощенной в результате чрезвычайно активной эксплуатации в годы Великой Отечественной войны, когда из-за потери Донбасса роль Подмосковского угля в экономике СССР заметно выросла и достигала 15 %. Бассейн располагался на территории сразу нескольких регионов: Тульской, Рязанской, Калужской, Калининской, Смоленской и Новгородской областей, что приводило к отсутствию централизованного управления, так как его предприятия входили в разные совнархозы.

Целью данной статьи является изучение комплекса мер, предпринятых правительством в конце 1950-х – 1970-е гг. для реструктуризации угольной промышленности Подмосковского бассейна и решения проблемы высвобождающихся в ходе нее трудовых ресурсов. Исследование ос-

новано на материалах фондов Совета Министров РСФСР и Министерства угольной промышленности СССР, отложившихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива экономики (РГАЭ).

В конце 1950-х гг. Госплан СССР считал необходимым увеличить капитальные вложения в дополнительную закладку шахт в Кузбассе и Донбассе для добычи коксующихся углей. Средства на это по предложению отдела угольной промышленности должны были изыскиваться за счет прекращения строительства 10 новых предприятий в Подмосбассе и на Урале, в которых, подчеркивалось особо, «нет острой необходимости»¹. В итоге в 1960 г. в СССР было полностью прекращено строительство 18 угледобывающих предприятий. В заключение Совета Министров РСФСР от октября 1960 г. подчеркивалось, что сокращение добычи в Подмосбассе вызвано изменениями в топливном балансе СССР, где потребность в подмосковном угле уменьшилась в 1960 г. до 39,3 млн. т. по сравнению с 42,9 млн. т. в 1959 г.²

В Калужской области прекращение строительства новых шахт было осуществлено в соответствии с двумя постановлениями Совмина РСФСР от 14.11.1958 г. и от 20.01.1960 г. Однако к территории этих закрытых на стадии строительства объектов уже были подведены асфальтированные и железные дороги, линии электропередач, построены электроподстанции, решены вопросы водоснабжения. Было осуществлено также строительство трех благоустроенных жилых поселков, в которых были построены клубы, школы, больницы и детские сады, проведены водопровод, канализация, теплофикация и др. Всего на строительство социальных объектов было потрачено около 130 млн. руб. Руководство Калужской области предлагало использовать эти поселки для размещения на их базе новых отраслей. При этом расчеты показывали, что сметная стоимость таких новых предприятий будет на 40 % ниже, так как вся необходимая для них инфраструктура уже возведена³.

Правительство откликнулось на эти предложения. В апреле 1960 г. вышло Постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему развитию промышленности Калужской области», в котором подчеркивалось, что в целях развития промышленности региона, а также для использования зданий, сооружений, коммуника-

¹ РГАЭ, Ф. 4372, Оп. 58, Д. 423, Л. 299.

² ГАРФ, Ф. А-259, Оп. 42, Д. 6299, Л. 41.

³ ГАРФ, Ф. А-259, Оп. 42, Д. 2969, Л. 61.

ций и жилого фонда прекращенных строительством угольных шахт необходимо поддержать предложение Госплана РСФСР, Московского и Калужского совнархозов о перебазировании в Калужский экономический административный район из города Москвы ряда производств: а) газосварочной аппаратуры с московского завода кислородного машиностроения; б) калориферов с завода «Сантехника»; в) поверочных плит, угольников, призм, линеек и штангенциркулей с московского завода «Калибр»; г) отопительных котлов с завода им. Войкова; д) варочных котлов и прессформ с завода им. Ярославского. Часть этих производств переводилась на промплощадки закрываемых шахт: Середейской, Козельской № 3, Куровской № 2¹. Таким образом, реструктуризацию отрасли было предложено осуществлять по пути замещения выбывающих мощностей угольной промышленности предприятиями других отраслей. По мнению руководства страны, это позволяло одновременно решить две задачи: трудоустроить высвобождающиеся в результате закрытия шахт трудовые ресурсы и найти альтернативное применение уже сделанным капитальным вложениям в промышленную и социальную инфраструктуру регионов, затронутых реструктуризацией угольной отрасли.

Граничащее с катастрофой положение сложилось в главном угледобывающем центре бассейна – Тульской области, где в связи с планируемой отработкой в 1959–1965 гг. 44 угольных шахт и двух участков Кимовского разреза могли потерять работу около 40 тыс. трудящихся. По данным Тульского совнархоза, вопрос об использовании рабочей силы, особенно в Донском, Кимовском и Узловском районах Тульской области, стоял очень остро уже в 1959 г. Правительственная комиссия, отправившаяся в Тульскую область, установила, что за 1958–59 гг. в Донском районе было выработано 7 шахт, на которых работало 5 тыс. человек, а в 1960–61 гг. ожидалось закрытие еще двух шахт, на которых было занято 1500 рабочих. Кроме того, школы района ежегодно выпускали по 300 юношей и девушек, которых тоже нужно было куда-то трудоустроить. Все это привело к тому, что по состоянию на 1959 г. в районе насчитывалось более 3,5 тыс. человек, не занятых полезным трудом, при том, что на всех действующих в районе предприятиях промышленности, строительства и транспорта численность трудящихся и без того уже была выше плановой². В совет-

ской экономической системе, где безработица считалась совершенно недопустимым явлением, столь неблагоприятные прогнозы по занятости в регионе, находящемся поблизости от столицы, потребовали немедленного вмешательства правительства.

В марте и в мае 1959 г. двумя совместными постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР ряду министерств и ведомств было вменено в обязанность построить 15 новых промышленных предприятий на территории Тульского совнархоза, в том числе: в городе Богородицке – заводы теххимических полуфабрикатов, трансформаторов и асбесто-технических изделий; в городе Донском – завод радиовакуумной керамики и фабрику кожгалантереи; в городе Кимовске – заводы коммутационно-установочных изделий и специальной радиоаппаратуры ПВО; в городе Северо-Задонске – заводы приемно-усилительных ламп и запчастей для трамваев и троллейбусов; в Сталиногорске – завод газовой аппаратуры; в Киреевске – фабрику щипаной слюды; в поселках Узловского района – заводы аппаратуры уплотнения релейных линий, по ремонту автомобильных дизельных двигателей, а также плавяных сыров и крахмало-паточный. Здесь следует заметить, что ответственные ведомства не торопились приступить к выполнению этих постановлений, и к середине 1960 г. строительство ни одного из запланированных новых производств еще не началось. В связи с этим Тульский совнархоз вынужден был ходатайствовать перед правительством о выделении в 1960 г. дополнительных капиталовложений в размере 28,4 млн. руб. на проведение хотя бы изыскательных и подготовительных работ в районах запланированного строительства новых производств³.

В специальном постановлении Совмин СССР обращал внимание на то, что в связи с уменьшением потребности в подмосковном угле, добыча этого угля по плану на 1961 г. установлена в количестве 37 млн. т. против ожидаемой в 1960 г. – 43,5 млн. т., или ниже на 6,5 млн. т. В последние годы ожидалось дальнейшее снижение добычи этого угля. Следовательно уже в 1961 г. число трудящихся бассейна должно было сократиться на 12 тыс. человек, а за 1962–65 гг. еще на 19–20 тыс. человек. Учитывая, что перевод шахтеров в другие отрасли мог в первый период времени привести к значительному снижению их заработной платы, Госплан СССР считал возможным предоставить Совмину РСФСР право выплачивать им на период обучения другим про-

¹ Там же, Л. 57.

² ГАРФ, Ф. А-259, Оп. 42, Д. 2969, Л. 92.

³ ГАРФ, Ф. А-259, Оп. 42, Д. 2969, ЛЛ. 72, 80.

фессиям средний заработок по прежней работе, но не более шести месяцев¹.

В декабре 1960 г. Совмин РСФСР установил следующий порядок оплаты труда рабочих, высвобождающихся из угольной промышленности Тульской области в период их переквалификации: за первые три месяца у рабочих сохранялся их средний заработок по прежнему месту работы, но не свыше 1400 руб. в месяц; за следующие три месяца переквалификации рабочие могли сохранить свой средний заработок по предыдущему месту работы уже только при условии выполнения норм выработки по новому месту работы. По предварительным данным численность рабочих, подлежащих переквалификации в 1961 г. должна была составить по всему Подмосковному бассейну около 15 тыс. человек, в том числе: в Тульском СНХ – 10 тыс. человек, в Рязанском – 3400, Смоленском – 700, Калининском – 300, Калужском – 100 человек².

Казалось, что комплекс мер, предпринятых правительством, должен был довольно быстро и относительно безболезненно переломить негативно складывавшуюся ситуацию, однако в ходе его реализации выявились серьезные проблемы, потребовавшие пересмотра первоначальных предложений. Многие шахтеры оказались неготовыми к смене профессии из-за существенной разницы как в характере труда в угольной промышленности в тех отраслях, которые использовались для замещения выбывающих шахт, так и, что еще важнее, в размере его оплаты. Это привело к значительной миграции шахтерских семей в регионы, где развитие угольной промышленности считалось приоритетным, например, на Кузбасс. В итоге на вновь построенных предприятиях обрабатывающих отраслей оказалась нехватка рабочей силы. И ее пришлось в организованном порядке ввозить из соседних областей. Кроме того, при конкретном проектировании новых предприятий выяснилось, что надшахтные сооружения оказывались непригодными для размещения крупных производств, соответственного реального удешевления сметы нового строительства на 40 %, как то ожидалось, не происходило. В реальности в надшахтных сооружениях могли разместиться только мелкие предприятия и вспомогательные производства.

Поскольку угольная промышленность Подмосбасса имела географически детерминированную структуру расселения в маленьких пришахтных поселках, а новые предприятия строились

почти исключительно в городах, значительная часть действующих поселков выбывающих шахт осталась без мест приложения труда или вовсе исчезла [1]. Таким образом, политика реструктуризации отрасли оказалась сопряжена с целым рядом трудностей, которые были не видны ее инициаторам на стадии планирования.

Всего за 1958–1960-е гг. в Подмосковном угольном бассейне было начато строительство, а из-за уменьшения потребности в подмосковном угле законсервировано 30 шахт общей мощностью 8,25 млн. т. угля в год. Фактические затраты по ним составили 37 млн. руб. и оказались бросовыми. Причина отказа от строительства – высокая себестоимость добычи. Расчеты экономистов показывали, что подмосковный уголь новых шахт с учетом транспортных затрат в районы Центра практически равноценен донецкому углю и на 13–15 % дороже кузнецкого³. Поэтому в Центральный экономический район продолжал завозиться донецкий и кузнецкий дальнепривозный уголь. В 1970 г. их было завезено 19,2 млн. т. В то время как местный подмосковный уголь добывался все меньше.

За 1959–70 гг. на базе зданий и сооружений закрытых шахт было организовано около 20 цехов, производств и филиалов действующих предприятий легкой, пищевой, деревообрабатывающей и др. отраслей промышленности. На этих предприятиях было занято свыше 10,5 тыс. чел., в том числе бывшие шахтеры, а также население, завербованное в соседних областях. Учитывая напряженный баланс трудовых ресурсов области и имеющийся опыт организации в зданиях и сооружениях закрываемых шахт производств, цехов и филиалов действующих предприятий, строить в области и далее новые промышленные предприятия на базе высвобождающихся кадров угольной промышленности, по мнению Госплана РСФСР и Тульского облисполкома, было нецелесообразно⁴.

В замечаниях, поданных Советом Министров СССР в 1969 г., на проект постановления Совмина, подготовленный Минуглепромом, есть замечательная фраза за подписью заместителя председателя Совета Министров СССР Демченко: «В Рязанской, Смоленской и Тульской областях имеют место трудности с трудоустройством населения. В связи с этим, упразднение низкопроизводительных шахт Подмосковного угольного бассейна Минуглепрому СССР необходимо производить только после рассмотрения этого

¹ ГАРФ, Ф. А-259, Оп. 42, Д. 2299, ЛЛ. 18-19.

² ГАРФ, Ф. А-259, Оп. 42, Д. 6299, ЛЛ 8-9.

³ РГАЭ, Ф. 14, Оп. 1., Д. 3533/12, Л. 16.

⁴ Там же, Л. 11.

вопроса Советом Министров РСФСР»¹. Данная фраза может служить иллюстрацией изменения стратегии правительства в деле реструктуризации угольной промышленности Подмосквовного бассейна. Неудача политики замещения угледобывающих предприятий производствами других отраслей заставила руководство страны действовать более осторожно в деле ликвидации убыточных и отработанных шахт. От политики замещения во второй половине 1960-х гг. наметился переход к политике искусственного продления жизненного цикла угледобывающих предприятий. Восстановленному в результате очередной реформы управления в 1965 г. Минуглепрому было поручено разработать стратегию развития отрасли, учитывающую в том числе и проблему поддержания уровня производства в старых бассейнах страны как за счет реконструкции действующих мощностей, так и за счет строительства новых добычных единиц, которые бы могли принять высвобождающиеся шахтерские кадры.

Проблема осложнялась еще и тем, что реконструкция действующих шахт должна была сопровождаться их комплексной механизацией, что в свою очередь вело к высвобождению значительного числа рабочих рук. Так, по комбинату Тулауголь ожидалось, что механизация высвободит в 1971 г. 3016 человек, в 1972 г. – 2396 чел., в 1973 г. – 1470 чел., в 1974 г. – 2631 чел., в 1975 г. – 3431 чел.² Эти кадры также необходимо было трудоустроить.

В 1968 г. институтом «ЦНИЭИУголь» была разработана схема развития и размещения угольной промышленности на 1975 и 1980 гг., включавшая три варианта (сценария) развития добычи угля в стране: а) исходя из технических возможностей отрасли и необходимых для этого капитальных вложений (программа максимум); б) с учетом полного удовлетворения потребности в угольном топливе, определенной на базу топливного баланса; в) исходя из размеров капитальных вложений, возможных к выделению в 1971–75 гг. (программа минимум). Основной идеей данного документа был стратегический сдвиг производительных сил и производственных мощностей на восток страны, где добыча угля должна была возрасти с 227,2 млн. т. в 1965 г. до 477,8 млн. т. к 1980 г., что составило бы 55 % от общесоюзной добычи. В Европейской части СССР рост добычи тоже предполагался, но гораздо скромнее – с 295,7 млн. т. в 1965 г. до 359,3 млн. т. в 1980 г. Такое колоссальное изменение географии

добычи объяснялось тем, что основные запасы твердого минерального топлива были сосредоточены именно в регионах Западной и Восточной Сибири. По всем вариантам плана прирост в Европейской части СССР должен был достигнут только за счет Донбасса и Воркуты, в то время как в Подмоскovie на 1971–75 гг. предусматривалась закладка только четырех новых шахт с суммарной мощностью 4,2 млн. т. Это означало, что независимо от выбранного сценария добыча Подмосквовного угольного бассейна будет сокращаться с 35,2 млн. т. в 1970 г. до 32,4 млн. т. в 1975 г. и до 23,4 млн. т. в 1980 г. Чтобы предотвратить прекращение добычи в Подмоскovie за пределами горизонта 1980 г., предлагалось заложить шесть новых шахт мощностью в 6,9 млн. т. за период 1976–1980 гг., что позволяло рассчитывать на поддержание добычи к 1985 г. на уровне 1980 г.³

В 1969 г. в ответ на поручение Совета Министров СССР Министерство угольной промышленности СССР подготовило новый программный документ (проект постановления Совмина СССР) «О мерах по дальнейшему развитию угольной промышленности Подмосквовного бассейна», в котором указывалось, что, несмотря на сохраняющуюся потребность народного хозяйства в подмосквовном угле, добыча его снижается из-за отработки запасов на действующих шахтах. Ожидалось, что в ближайшее десятилетие производственная мощность шахт бассейна составит 18 млн. т., то есть может уменьшиться в два раза. Для поддержания мощности действующего фонда на уровне 35–36 млн. т. в год, необходимо было в 1970–75 гг. приступить к строительству 12 шахт общей мощностью в 12,6 млн. т. и двух обогатительных фабрик. Причем новые шахты пришлось бы строить в новых, не освоенных районах, что неизбежно приводило к возрастанию расходов на жилищное и коммунальное строительство на новом месте. Для осуществления только программы производственного строительства необходимо было выделить в 1971–75 гг. 350 млн. руб. капитальных вложений, что на 150 млн. превышало сделанные ранее расчеты Минуглепрома СССР. А на непроизводственное (жилищное и коммунальное) строительство требовалось еще около 100 млн. руб., выделение которых также было необходимо уже в 1971–75 гг. Всего же до 1980 г. в Подмосквовном бассейне помимо 12 новых шахт было необходимо возвести 400 тыс. м² жилья, детских дошкольных учреждений на 200 мест, больниц на 700 коек, поликлиник на 950 посещений в день, общеобразовательных школ на 2000

¹ РГАЭ, Ф. 14, Оп. 1, Д. 2278/5, Л.Л. 30.

² РГАЭ, Ф. 14, Оп. 1, Д. 2254/11, Л. 2.

³ РГАЭ, Ф. 14, Оп. 1, Д. 2254/6, Л. 18-об, 19, 19-об.

мест, клубов на 1600 мест, стадион в г. Щекино, Дом техники в г. Тула, очистные и водозаборные учреждения, канализационные и водопроводные сети и так далее¹.

24 декабря 1969 г. было, наконец-то, принято постановление Совета Министров СССР № 974 «О мерах по дальнейшему развитию угольной промышленности Подмосковского бассейна». В соответствии с ним, добыча бассейна на 1975 г. определялась в объеме 34–35 млн. т. с сохранением этого уровня до 1980 г. При этом имелось в виду, что потребность электростанций в 1975 г. будет составлять 27,5 млн. т., а в 1980 г. – 32 млн. т. и для прочих потребителей потребуется соответственно 6,5 млн. т. в 1975 г. и 2 млн. т. в 1980 г. Для обеспечения указанной потребности постановлением предусматривалось заложить в 1971–1975 гг. 12 шахт на общую мощность 12–13 млн. т.

Проектом IX пятилетнего плана уточненная потребность в подмосковном угле была определена уже в объеме только 33,3 млн. т. к 1975 г., в том числе электростанции 27,5 млн. т. и прочие потребители 5,8 млн. т. Однако в дальнейшем выявился ряд новых обстоятельств. Так, при разработке постановления Совмина имелось в виду, что строящаяся Рязанская ГРЭС и действующая Щекинская ГРЭС будут работать на обогащенном подмосковном угле, в связи с чем требовалось построить две новые обогатительные фабрики. Но, как показал опыт действующей в бассейне Кимовской обогатительной фабрики, содержание серы в концентрате подмосковного угля могло быть снижено только до 4,5–5 % вместо 2,9 % по проекту. По этой причине не могло быть достигнуто улучшение санитарных условий атмосферы, так как на обогатительных фабриках требовалось бы складировать около 2,5 млн. т. в год высокосернистых отходов. Самовозгорание этих отходов могло привести к концентрированным загрязнениям воздушного бассейна сернистыми соединениями в непосредственной близости от столицы СССР. В связи с этим в феврале 1971 г. Госплан СССР внес в Совет Министров СССР предложение об отказе от строительства новых обогатительных фабрик в Подмосковном бассейне. При этом предполагалось установить для первой очереди Рязанской ГРЭС топливный режим на подмосковном рядовом угле, а для второй очереди – газо-мазутное топливо. Для Щекинской ГРЭС основным топливом должен был оставаться подмосковный рядовой уголь с частичным использованием сезонных избытков природного газа. Указанное изменение топливных режимов

позволяло сократить потребность в рядовом подмосковном угле к 1980 г. по Рязанской ГРЭС на 5,2 млн. т., а по Щекинской – на 3 млн. т. Отказ от строительства обогатительных фабрик позволял уменьшить капитальные вложения в развитие бассейна на 100 млн. руб. и сократить эксплуатационные затраты еще на 30 млн. руб.² Предложение Госплана было поддержано с одной, но очень существенной поправкой: Щекинская ГРЭС в 1971 г. была полностью переведена на газ, а скорректированная потребность в подмосковном угле на 1980 г. стала определяться в 27 млн. т.

Случай с Рязанской и Щекинской ГРЭС, которые изначально строились на территории бассейна, чтобы работать на местном угле, а затем были переведены на использование альтернативных видов топлива, вполне отражает тенденции, получившие распространение в результате реализации политики «газовой паузы». Уголь считался энергетиками слишком трудозатратным топливом. Его нужно было разгружать из железнодорожных вагонов, складировать, загружать в печи – все эти манипуляции приводили к снижению его качества. После его сжигания образовывалась зола, которую нужно было вычищать из печи, складировать, вывозить. В то время как газ и мазут в эксплуатации оказывались намного удобней и дешевле. Поэтому при проектировании новых электростанций Министерство энергетики ориентировалась на собственные нужды и неохотно учитывало интересы угольщиков. Такой подход могут проиллюстрировать утвержденные Минэнерго топливные режимы для электростанций, намечаемых к расширению или строительству в период 1971–1975 гг. в Центральном, Центрально-Черноземном и Поволжском экономических районах: 1) Костромская ГРЭС: основное топливо – газ, резервное – топочный мазут; 2) ТЭЦ № 25 Мосэнерго – газ и топочный мазут; 3) ТЭЦ № 23 Мосэнерго – газ и топочный мазут; 4) Новорязанская ТЭЦ – топочный мазут и сезонные избытки природного газа; 5) Брянская ТЭЦ – топочный мазут и избытки газа; Ярославская ТЭЦ – кузнецкий уголь и избытки газа; 6) Южная ТЭЦ Мосэнерго – газ и топочный мазут; 7) Новолипецкая ТЭЦ – топочный мазут и избытки газа; 8) Волжская ГРЭС – экибастузский уголь и избытки газа; 9) Пензенская ТЭЦ № 1 – кузнецкий уголь и избытки газа; Саратовская ТЭЦ № 4 – топочный мазут и газ; Кармановская ГРЭС – сырая отбензиненная нефть. На Украине все запланированные к строительству энергетические мощности также должны были перейти на топочный ма-

¹ РГАЭ, Ф. 14, Оп. 1, Д. 2278/5, Л. 1, 2, 7.

² РГАЭ, Ф. 14, Оп. 1, Д. 3533/12, Л. 7-8.

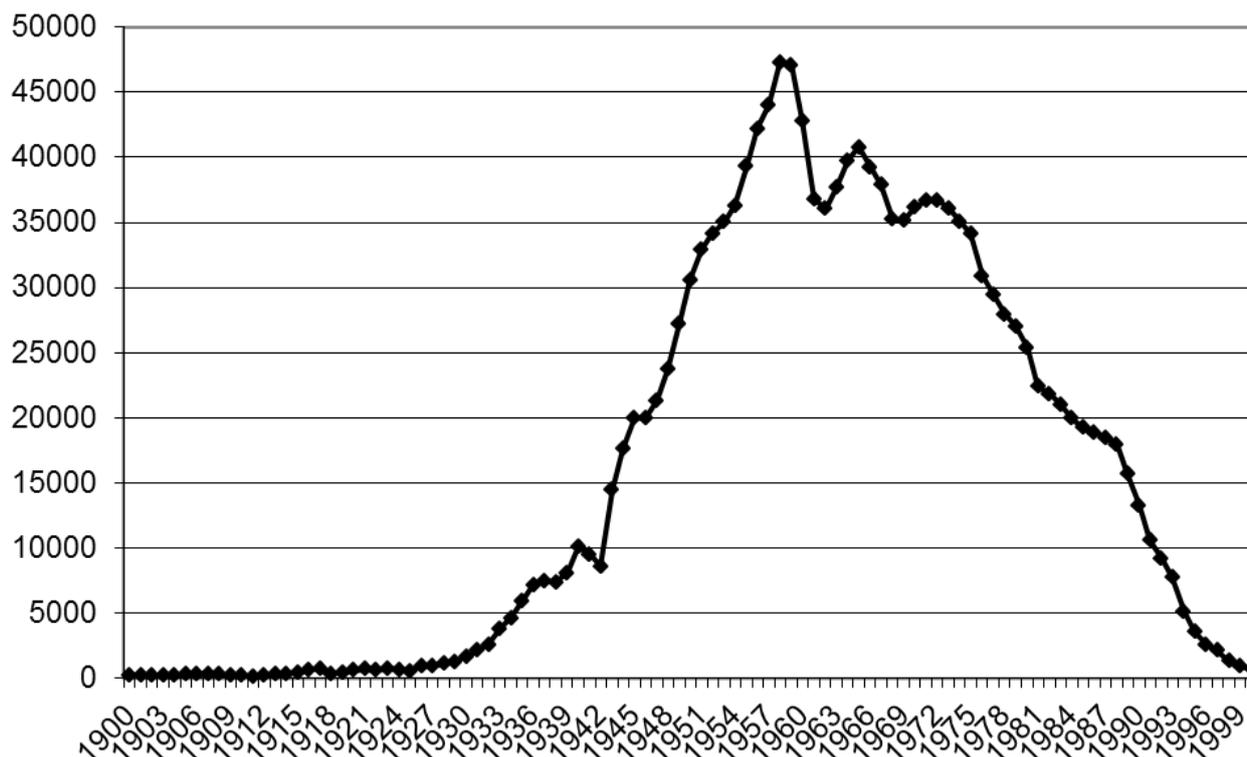

Рис. 1. Жизненный цикл Подмосковского угольного бассейна в XX в.

Рассчитано по: [Грунь В.Д. и др.: 2003. С. 459–474].

зут и газ, кроме Трипольской ГРЭС, продолжавшей использовать донецкий уголь. В Белоруссии должны были использовать мазут и фрезерный торф¹. Получается, что во всей Европейской части СССР, горизонты возможностей для использования подмосковного угля резко сокращались, и из образцового индустриального комбината, обеспечивающего энергетику всего Центрального экономического района, Подмосковский угольный бассейн превращался в комплекс устаревающих производств, являющихся с точки зрения некоторых отраслевых руководителей едва ли не тормозом на пути прогресса, а его предприятия и связанные с ними шахтерские города и поселки отныне начинают рассматриваться в качестве потенциальных очагов социальной напряженности.

По состоянию на 1 января 1971 г. в Подмосковном угольном бассейне находилось в эксплуатации 65 шахт общей мощностью 37 млн. т. В связи с отработкой запасов на 16 шахтах общей мощностью в 17,2 млн. т. к 1980 г. мощность шахтного фонда сокращалась до 19,8 млн. т. Заложенные в 1970–71 гг. новые шахты могли дать суммарную проектную мощность в 3,5 млн. т., а с учетом уже запланированных к закладке шахт общая мощность шахт бассейна к 1980 г. должна была составлять 26,7 млн. т. Для поддержания данного уровня добычи за пределами 1980 г. нужно было

вести еще две шахты мощностью 3–3,5 млн. т.²

По данным Минуглепрома, Тульскую область характеризовал высокий уровень занятости трудоспособного населения. В 1970 г. он составлял почти 97 %. Ожидалось, что к 1975 г. занятость повысится до 99 %. В угольной промышленности Подмосковья в 1971–1975 гг. намечалось высвобождение порядка 13,5 тыс. шахтеров, из которых около 8 тыс. чел. к 1975 г. достигали пенсионного возраста (50 лет), а еще 4 тыс. чел. должно было быть принято на строящиеся угольные предприятия Тульской области. В Рязанской, Калининской и Калужской областях до 1980 г. должны были закрыться четыре небольшие шахты и считалось, что перераспределение трудовых ресурсов с них не вызовет каких-либо трудностей³.

В 1976 г. Минуглепромом была утверждена «Генеральная схема (модель) развития угольной промышленности на 1980, 1985, 1990 гг. и прогноз на 2000 г.». В соответствии с ней добыча в Подмосбассе должна была сохраняться на уровне 34 млн. т. вплоть до 2000 г. При этом по действующим на 1 января 1976 г. шахтам добыча должна была резко упасть из-за выбытия мощностей до 25,6 млн. т. к 1980 г., 14,7 млн. т. к 1985 г., 9 млн. т. к 1990 г. и до 4 млн. т. к 2000 г. Чтобы компенсировать выбывающие мощности в

¹ РГАЭ, Ф. 14, Оп. 1, Д. 2254/9, Л. 4-5.

² РГАЭ, Ф. 14, Оп. 1, Д. 3533/12, Л. 9–10.

³ Там же, Л. 10-11.

Подмосковье предполагалось построить в 1976–1980 гг. 12,8 млн. т., в 1980–1985 гг. – 8,7 млн. т., в 1986–1990 гг. – 3,6 млн. т. новых мощностей, а в 1991–2000 гг. – еще 6,3 млн. т.¹ Такие планы строительства координировались с графиком выбытия действующих мощностей шахтного фонда: в 1976–80 гг. 12,8 млн. т., в 1981–85 гг. – 8,9 млн. т., в 1986–90 гг. – 6, млн. т., в 1990–2000 гг. – 5,7 млн. т.²

В реальности же всем этим планам было не суждено исполниться. На графике четко видно, что запланированный уровень в 34 млн. т. удалось поддерживать только до 1975 г., а затем началось резкое падение объемов добычи, к концу 1980-х гг. двукратно превысившее уровень 1975 г. Подмосковный бассейн вступил в стадию упадка. План строительства шахт, предназначенных для

замещения выбывающих производств, так никогда и не был выполнен. В 1990-е гг. предприятия бассейна вступили в очередной этап реструктуризации угольной промышленности, приведший в 2000-е гг. к фактической ликвидации данной отрасли в центральных регионах России. В новых рыночных условиях опыт реформирования предприятий бассейна в 1950–1970-х гг. остался невостребованным, тем более что удачными результаты реструктуризации отрасли в 1950–1970-е гг. признать сложно. Тем не менее для СССР это был первый опыт столкновения советского индустриального общества с постиндустриальными тенденциями, высветивший неготовность советского планового хозяйства и командно-административной системы управления к экономическим вызовам новой постиндустриальной эпохи.

¹ РГАЭ, Ф. 14, Оп. 1, Д. 7549/2, Л. 81-об, 84.

² РГАЭ, Ф. 14, Оп. 1, Д. 7549/3, Л. 22-об.

Список литературы

1. Кризисные города России: пути и механизмы социально-экономической реабилитации и развития. – М., 1998. – 94 с.
2. История угледобычи в России / под общ. ред. Б. Ф. Братченко. – М., 2003. – 480 с.

Сведения об авторе

Баканов Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия.
bakanov-s@mail.ru

Magistra Vitae.

2016. No 2. P. 103–111.

THE SOVIET EXPERIENCE OF COAL-MINING INDUSTRY REORGANIZATION IN THE END OF THE 1950-1970S IN THE CONTEXT OF FACTORIES IN THE MOSCOW AREA COAL FIELD

S. A. Bakanov

Chelyabinsk state university, Chelyabinsk, Russia. bakanov-s@mail.ru

In the end of the 1950-1970s the Soviet economy faced absolutely new problems: several big factories reached the limit to growth of such a strategically significant industrial branch as coal-mining, and a gradual displacement of coal from country's fuel balance by other kinds of fuel was another problem. These factors required reorganization of the industrial branch, which affected all old industrial coal-mining sites. The worst situation was in the Moscow area coal-mining field where, as a result of mine sites closure, around 40.000 people could have lost their jobs. It is possible to highlight two stages in the reorganization held in the Moscow area coal field: 1) the end of the 1950s - the mid 1960s: substitutional factories of other branches were being built instead of the closed mine sites; 2) the mid 1960-1970s: the previous practice was withdrawn in favour of artificial lifespan prolongation of operating mines and a new method of mine building which could compensate closing mining sites. The actions of the first stage didn't turn out to be effective enough because many miners weren't ready to change their specialization due to the appreciable difference between the na-

ture of the coal-mining industry and the substitutional branches and, what is more important, the difference in payments. The actions planned for the second stage were never realized completely owing to revealed problems of the metropolitan area ecological safety. As a result, the factories of the Moscow area coal field entered the regressive period and they were completely eliminated during reorganization which took place under market conditions in the 1990-2000s.

Keywords: *history of coal-mining industry, miners, employment issues, Moscow area coal field, reorganization of the industrial branch, the Soviet economy in the 1950-1970s.*

References

1. *Krizisnye goroda Rossii: puti i mekhanizmy sotsial'no-ehkonomicheskoy rehabilitatsii i razvitiya* [Crisis cities of Russia: ways and mechanisms of socio-economic rehabilitation and development]. Moscow, 1998. 94 p. (In Russ.).
2. Bratchenko B.F. (ed.). *Istoriya ugledobychi v Rossii* [The history of coal mining in Russia]. Moscow, 2003. 480 p. (In Russ.).